

Очарованный Гоголем

Лучшее на сегодня в мире, юбилейное издание «Мёртвых душ» оформил уралец Николай Предеин

Ирина КЛЕПИКОВА

По обычным меркам, он пришёл в профессию очень поздно. В 40 лет. «Медленно живу, — отшучивается. — Мне надо лет 180 прожить, чтобы реализовать себя». Не против, если и больше. Но только не вечно! Даже в мечтах. По мнению художника, Бог так гармонично задумал человеческую судьбу: рождение-жизнь-смерть. «Не хочу, — говорит Николай Предеин, — нарушать эту божественную композицию».

—Честно говоря, Николай Петрович, впервые в затруднении: кто сегодня герой «Персона»? Даже из ваших оговорок в разных ситуациях помню: «Поступал на физтех... Работал каменщиком... Учился в медицинституте... Пишу стихи».

—Достаточно ordinaria ситуация: вчерашний школьник «искал себя». Да, учился (почти три года) в медицинституте. Фрезеровщиком работал, чем горжусь (улыбается): Бродский начинал свою карьеру фрезеровщиком. В армии служил. Десять лет каменщиком работал. Был дворником, руководителем студии художественно-технического творчества, художником-оформителем при штабе гражданской обороны... Предпосылки «магет» — ещё из юности идут: 60-е годы — бионика, кибернетика, атомное ядро... У меня был узкий такой блокнотик: с одной стороны записывал свои технические проекты (фантастические), с другой — какая-то лирика, зарисовочки, стихи. Это уже от моей сестры Раи, у которой были альбомы по искусству (Врубель, Модильяни, Тулуз-Лотрек, Чюрленис, Барлах, Роден). Был, перифразировал Маяковского, «прекрасно заражен» ими.

В молодости «магет» продолжилась. В медицинском учился хорошо, готовился и хотел стать психологом. Но «добила» фармакология и особенно микробиология с её штаммами. Лежу как-то, готовлюсь, и вдруг осенило: «Чего я мажусь? Зачем это всё?». Через несколько дней написал заявление с просьбой отчислиться.

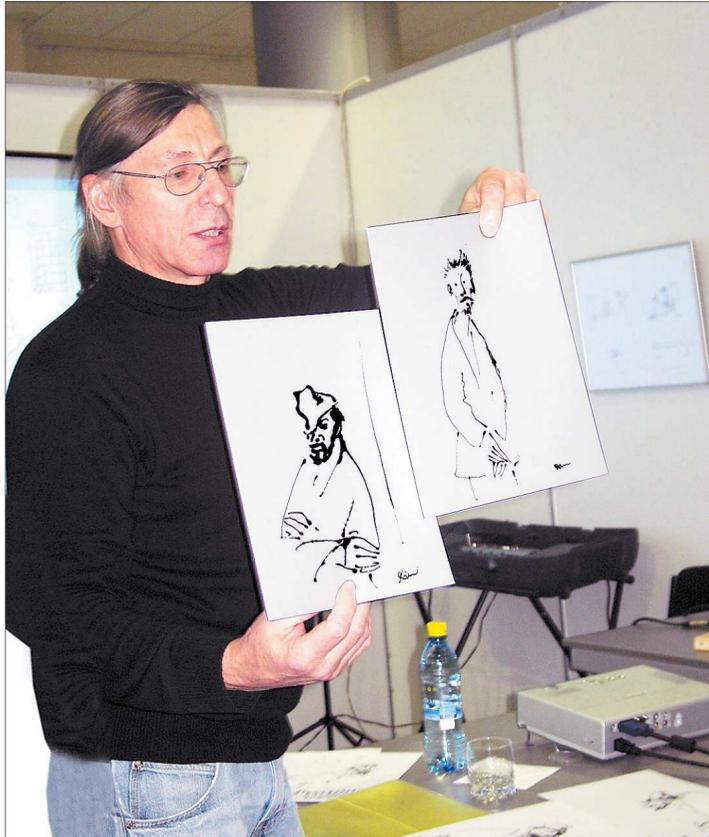
Когда на заводе работал, всё свободное время — в библиотеках. Вдох-то был широкий. Возьму Спинозу. Не идёт. Закрою. Возьму «Спинозу» поменьше — «Лезвие бритвы» Ефремова. Чернышевского одолел. Вообще, молодым рассказать сегодня — не поверит: в цехе, в обеденный перерыв, мы о красоте спорили. Вспоминаю и сам удивляюсь: не приснилось ли?.. Но, в конце концов, занимаюсь «художеством», как говорила моя мама, то есть — скульптурой, графикой. Значит, наверное, художник. А стихи появились сами (сами иногда и исчезают).

—Почти прилепившиеся к вам определение «очарованный Гоголем» — видимо, правда жизни (миниатюрные скульптуры-Гоголи, графические рисунки по Гоголю, иллюстрации к «Мёртвым душам»). А когда возникла очарованность? Были ли какие-то «знаки судьбы»?

—Гоголь в работах возник благодаря «Выбранным местам из переписки с друзьями». Книга, как сейчас бы сказали, концептуальная. Исповедь и духовное завещание. Гоголь, вообще, единственный писатель XIX века, который был, в известном смысле, писателем XX века. Он уникален. В нем и святость, и трагизм, и юмичность. Он, мне кажется, первым из писателей обозначил собою буквально — и духовно, и физически — тот излом художника между «милом искусством», как Гоголь говорил, и проповедничеством, «мессиянством», которое, разрастаясь, деформирует, ломает художественный дар. А даром этим Гоголь дорожил, может быть, как никто.

«Выбранные места...» в моей жизни — дело случая. Но, видимо, я готов был к этому. Отсюда Гоголь и в рисунках, и в скульптуре. А потом — знакомство с Игорем Петровичем Золотуцким, главным «гоголеведом», который очень хорошо принял мои работы, дальше — заказ на иллюстрирование «Мёртвых душ».

А разговоры насчет «знаков судьбы» не очень приветствуют. Они, вы же знаете, нередко спекулятивны. Можно ли считать «знаками судьбы», например, мою роль в школьном спектакле по Гоголю, где я играл... Пацка? Это было в классе в четвертом-пятом, лет в двенадцать. Причем в этой роли я «блистал» на сцене сельского Дома культуры! Кста-

Николай Предеин: «Работа над иллюстрациями к «Мёртвым душам» началась с «мёртвых душ» — того самого Степана Прокхи, каретника Михея, невероятного Григория Доезжай-не-доедешь... Они как бы немо просили меня вытащить их, чуть упомянутых Гоголем, из небытия»

ти (улыбается), проблему с летающими галушками у Пацки мы с мамой решили очень просто — она дала мне молоко с сухарями в миске, и я лхал на неё деревянной ложкой. А в классе в седьмом я уже играл горючего в «Ревизоре». Как говорят: хотите — верьте, хотите — нет.

—Кто только ни иллюстрировал Гоголя — Боклевский, Шагал... Стало быть, вам надо было найти одновременно оригинальный, но и адекватный писателю язык. Это из области озарений — или был алгоритм рассуждений?

—«Кто только ни иллюстрировал Гоголя» — логичнее будет в другом контексте: «Иванов, Петров, Сидоров, Предеин...». Это я пытаюсь защитить Боклевского и Шагала в вашем вопросе.

Что же касается меня, не было ни озарений ни, слава Богу — алгоритма. Мне очень нравится фраза Василия Шукшина о том, как он пишет: как будто достаю, вызываю голоса персонажей из чернильницы кончиком пера. У меня, не считайте за нескромность, было похожее ощущение: персонажи как бы проступали сами на листе линиями, пятнами, штрихами, в конечном счёте — характерами. Линии как будто «знали», как ложиться. Многим художникам известно это чувство.

—Из иллюстраций к «Мёртвым душам» возник отдельный цикл «Мужики». Понятно — тоже герой, народ, НоуГоголя-то их немало, а у вас...

—...около 300. Очень захватывающие типажки. В метафизическом смысле это — Россия. Создавал по ощущению, абсолютно нерационально, тоже — «из чернильницы». Но мужики заинтересовали и издательство, и Золотуцкое. Кстати, сначала были только гоголевские мужики, а потом, как говорили даже зрители, сами собой в этом цикле пошли мужики лесковские, достоевские, тургеневские. В общем — российские. Есть мысль издать их отдельным альбомом.

—А как случилось, что именно вам Франция заказала логотип Фестиваля Гоголя в Париже в 2009 году? И — самые сильные впечатления автора «Гоголей» от Франции?

—Как это часто бывает, сработала цепочка случайностей, в том числе — совместная с Алексеем Рыжковым выставка «Гоголей» (он показывал пейзажи — уголки улицы Гоголя), выставки в Москве, в Михайловском... Хотя хочется думать, что все эти встречи, знакомства, события не случайны, потому что не случайны мои «Гоголи», я в этом уверен.

А о Париже спрашивать там побывавшего — рискованно. Считайте: поймали за рукав — и надёжно. Париж, видимо, подсознательно был уже родным городом. Литература, кино, музыка, ху-

дожники — надо ли называть фамилии?! А история, особенно — XX века, русская эмиграция, сколько судьб!

Когда я увидел на улочках Парижа его асфальт — со своей историей и сегодняшним днем, гордился бесповоротно стал родным! Кроме всего прочего, Париж подарил возможность пообщаться с известным славистом Жоржем Нива, графом Шереметьевым (архитектор, ценитель музыки, общественный деятель, с нашей филармонией сотрудничал как меценат). А главное впечатление — история и культура не в библиотеках, музеях и телевизоре, а — в жизни. Мы живем в Истории. Очень полезное ощущение.

—Скульптура «огней места». Вы родились в деревне под названием Опытная станция. Как это может быть связано с тем, что вы вдруг влюбились во Францию, или что когда-то писали хокку?

—Да, Опытная станция Шадринского района Курганской области — там мое детство. Осенью — соленые языки инея на траве, зимой — чудо снежинки, которую я впервые рассмотрел, она и сейчас точно также на меня действует. Не зря поэт Геннадий Айги назвал их «иероглифами Бога», Бог как бы вступает с нами в «переписку». Кто может, отвечает...

А летом, мальнишками семивосьми лет мы купались в озере, где росли белые кувшинки. Это были просто библейские дали! А мамин хлеб (свой) из печи! А друзья горного хрусталя, найденная на увалах!

Вообще, детство — это своеобразная библия, где все тебе давалось в первый раз. Где наши начала, соединяющие нас с миром, носят действительно библейский масштаб.

А как это связано с Францией или Востоком? Да трудно ли человеку, видевшему в деревне звездное небо (кажется, махнул рукой — и они посыплются в траву), связать звезды Ван Гога с так вот увиденными в детстве звездами.

А поля пшеничные! Они у Ван Гога такие же, как у меня в детстве: живые своим золотом, царские и крестьянские одновременно.

А сколько подлинных «дзенских» ощущений в таком детстве! Трава, запах снега, сосульки, свечащиеся изнутри... Мои трекстихи — оттуда, стихи («дождя прозрачная соломка...») — оттуда.

—Николай Петрович, вы — автор скульптуры Российской оперной премии «Casta Diva». Для такого заказа надо было быть в теме — по крайней мере симпатией относиться к оперному искусству.

—Меня ведь не петь в одной из постановок приглашали (смеётся), а сделать скульптурный символ оперы. Если серьёзно — я как-

то, в известном смысле, «немузыкально» музыку воспринимаю. Когда слушаю Моцарта, возникает впечатление своеобразного вечного двигателя, собственно — жизни, непрекращающейся и непрекратимой. А вот Бах кажется грандиозным «доказательством» Бога, его «святости». Как океан, волны которого подчинены ритму (числу), и одновременно он эмоционален в бесконечной подвижности воды.

Название премии «Casta Diva», «дева-богиня», отсылало к аркаме, которой в то время я был достаточно заражен. Потому идея — жрица, богиня, стоящая на сфинксе — появилась как-то сразу, без долгих поисков (хотя четырежды вариантов этой скульптуры было). Профиль же богини удивительным образом совпал с профилем оперной дивы Марии Каллас.

—А почему фигура такая подчеркнута вытянутой? Вот и Хозяйка медной горы у вас суперупругичёная? Есть какой-то смысл?

—(смеётся). Этот «смысл» родился от жестокой необходимости. Скульптурой-то увлекся, когда уже двое детей было и куча отцовских забот: «На искусство» у каменщика было только раннее-раннее утро на коммунальной кухне либо обеденный перерыв на стройке. А за полчаса разве «свясешь» Аполлона или отходящего Сатира?! Побыстриком приваривал электрод к кронштейну, облеплял глиной, которую нашёл в котловане. Вот у меня и получились удлинённые фигурки, «солдатики».

Но вообще-то, была жуткая любовь, пристрастие к вертикали. Почему? Так вертикаль же! Опять — метафизика: соединение верха и низа.

—В шесть часов утра на коммунальной кухне, урывками из обеденного перерыва... На какие жертвы шли ради искусства! За талант приходится платить?

—Вы знаете, слова «талант», «жертва», «творчество» неизбеж-

Скульптурный пленер. И тут — Гоголь. Писатель, мученик, мессия

но ждут следующих слов — «поэт», «бильярд». Ахматова совершенно справедливо снижала пафос этих слов в своей известной реплике.

А чтобы по сути ответить на ваш вопрос, призыву на помощь другого поэта, Бродского. Он говорил: если выбирать, писать стихи или жить жизнью, то он выбирает стихи.

—Значит, отказывается от жизни. А вы?

—Да лобой, одержимый чем-то, отказывается от обычной жизни. Хотя инженер-конструктор, хоть писатель, хоть каменщик. Он погружён в своё творение, а надо бы гвоздь в доме забить. И я иногда спохватываюсь: нехорошо это — взять и улиться от кватцанди по квартплате. Художник очень часто с «жизнью и бытом» ведет войну, тайную и явную. С переменным успехом. Или на уровне житейской беллетристики, или на уровне драмы. Как правило, это связано с масштабом художника.

По большому счёту, памятники-то надо ставить не творцам, а тем, кто был рядом. Терпел, ограждал от иных забот. «Поэт — он страннейший десертир».

Сбежавший на войну. Потом ему победы. Загнут его вино.

—Как точно! Ваши стихи?

—Мои. Иногда случается — пишу. А некоторые люди не пишут, не рисуют, не играют на скрипке, но — как талантливо живут! Может быть, признаюсь, это «главное», как говорят дети.

—Может, и главное, но вот любимый вами Тарковский говорил: «Писательство как поступок». Поступок! Хотя графоманы тоже таскают стихи в редакцию, но тут о поступке никто не говорит.

—Писательство как поступок — девиз обоих Тарковских. Тарковский-старший защищал его своим, я бы сказал, «строгим существованием» в поэзии в не самые легкие времена.

«Слово — только оболочка, Пленка жребиев людских, На тебя любая строчка Точит нож в стихах твоих». Тут все сказано! А графоманы — актеры, которые, samozабавно взявшись за роль Гамлета, играют себя.

Кстати, помните, у Тарковского-младшего Андрей Рублев после того, что он видел (кровь, унижение, предательство), понял: он не сможет писать иконы... Согласитесь, есть о чем подумать.

—У нас такие рассуждения и такие эпохальные по замыслу творения, что невозможно поверить у Предеина нет специального образования. По меньшей мере — художественная академия за плечами!

—Разрешите вашу фразу об «эпохальных по замыслу творениях» вернуть как не нашедшую адресата. У меня таковых нет. Нет, действительно, и законченного специального образования.

Сошлось на Швейка, который говорил: «Я занялся я, извините за выражение, самообразованием». Собственно — так и есть.

Юбилейное издание поэмы Гоголя уникально: впервые здесь — позднейшая редакция второго тома, фундаментальный комментарий и... интерпретация образов в графике Н. Предеина

ДОСЬЕ «ОГ»
Николай Петрович ПРЕДЕИН
Родился в 1951 году в Зауралье.
В 1986 г. закончил Свердловскую вечернюю художественную школу.
С 1997 г. — член Союза художников России.
Ряд работ приобретены Музеем писателя Урала, Институтом философии и права УрО РАН, галерей «Эстер», «Белой галереей». Работы находятся также в частных коллекциях Екатеринбург, Санкт-Петербурга, Будапешта, Чикаго, Токио, Кельна.
Одна из последних работ — золотая статуэтка «Casta Diva» (Российская оперная премия).
Автор приза «Дягилев» Международного фестиваля «Дягилевские сезоны». Пермь — Петербург — Париж.

Середина 60-х. Куба, Фидель, революция, барбудос... С тех пор любимый головной убор — берет

Блиц-опрос

—Зима — ваше время?
—Когда снег искрится на солнце — это такой хорал! Но мое время — весна, май. Почти на деревьях — обещание новой жизни. Начало эв.

—Какой фильм можете пересматривать много раз?
—«Зеркало». Нагружен многослойно и так попадает в моё детское восприятие природы. Помните — «проход» камеры по траве, заброшенный колодец... Слово в рассказывал, а Тарковский снимал. У нас в деревне был такой колодец, мы, пацаны, были заборными им. Тайна же!

—Любимая работа по дому?
—Готовить солёнку. Она живописная получается. Вкусная. Густая. С фактурой!

—На выбор: опера, симфонический или астрадский концерт?
—Концерт в филармонии.

—Любимое время суток?
—Раннее утро. В армии летом, помню, достался мне караул с 4 до 6 часов утра. Хожу-караулю возле военного склада. Тишина! Только-только проступает свет. И вот эта плотность бытия, пережитая тогда, сохранилась на всю жизнь. Пропал — опоздал...

—В еде вы гурман?
—Нет, неприязнатель. Правда, люблю пельмене. И сметани как можно больше. Говорю даже: могу есть не только пельмени со сметаной, но и сметану с пельменями.

—Когда собирается компания мужчин — они говорят о политике. А если в компании только художники?
—Об искусстве или (смеётся) просто треплются.

—Не работаете... Нет вдохновения, идеи, замысла. Что помогает выйти из этого состояния?
—Отдаюсь на волю волн. Образно говоря, один камешек другой камешек толкнет, третий заденет. И вот уже слышишь какой-то шум...

—Чему в жизни хотели бы ещё научиться?
—О, этому списку не было бы конца. Жутко завидую, например, музыкантам, особенно вокалистам. Однажды мне приснилось, что я пою. И просто лежу в этом голосе. Непередаваемое словами ощущение!

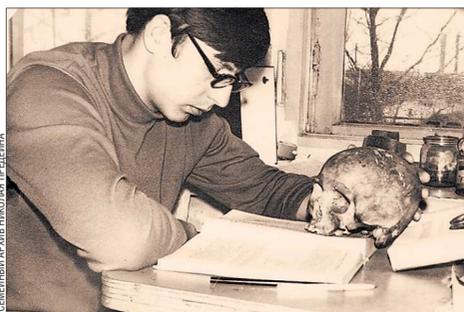
—В еде вы гурман?
—Нет, неприязнатель. Правда, люблю пельмене. И сметани как можно больше. Говорю даже: могу есть не только пельмени со сметаной, но и сметану с пельменями.

—На взгляд художника, чего не хватает образу Екатеринбург?
—Старины (многие старые здания порушили, а Екатеринбург — город с историей, должна присутствовать печать времени). Чистоты. Хороших художественных объектов. Скульптуры на Вайнера — что-то вроде эсперанто. Язык, который называет, но мало что передаёт.

—Вы суверенный человек?
—Абсолютно нет. Даже когда возвращаюсь, забыв что-то, и дочь говорит: «Посмотри в зеркало, покажи язык» — делаю, но только потому, что... не спорить же с дочерью!

Российская оперная премия «Casta Diva». Автор скульптуры — Н.Предеин

Раздосадованный строптивостью студента, ректор медицинститута на его «просьбе об отчислении» написал: «Без права восстановления». «Он сам сжёг мой мост» — говорит Николай Предеин